
Р. М. ЗИГАНЬШИН

ВОЕННЫЙ ЭТИКЕТ САМУРАЕВ

Этикет самураев является во многом отражением японской традиционной культуры и, более того, характеризует менталитет людей воинской специализации в других традиционных обществах. Изучение этой темы может в некоторой степени способствовать пониманию глубинных неосознаваемых мотиваций, характерных для человеческой мотивации в прошлом и настоящем. Этикет самураев находит продолжение в современных японских боевых искусствах, изучая и практикуя которые люди всех культур обязаны также соблюдать и его нормы.

Ключевые слова: *этикет, самурай, харакири (сэппуку), бусидо, смерть.*

Обычно различают военный (воинский), дипломатический, придворный, светский (общегражданский) этикет. Первый является древнейшим и занимает особое место. Самый молодой – деловой, или бизнес-этикет, входящий в состав светского этикета. Этикет военных людей по определению имеет отношение к крайнему насилию – войне. При разнузданном хаосе, анархии, грабежах, неоправданных жертвах среди мирного населения, часто сопровождающих войны, он зачастую служит единственным сдерживающим фактором.

Военные люди во все времена были, как правило, элитой общества, от них часто зависело само существование государства или, на раннем этапе, существование племени, поселения. Существование воинов с древнейших времен наделялось сакральным смыслом, освящалось высшими началами бытия. Помимо иррационального это имело также и практическое значение, так как помогало решать психологическую проблему противоречия между долгом и чувством самосохранения, т. е. способствовало становлению «боевого духа» армии – важного стратегического ресурса. Сакральное значение военного дела, естественно, накладывало на воинов дополнительные требования, особенно в моральном плане. Это выражалось в особом воинском этикете, который в той или иной мере отражал либо общепринятый, либо элитарный этикет данного общества. И то и другое, конечно же, является составной частью всей

культурной традиции своей эпохи и цивилизации. Соответственно воинский этикет помимо духовно-этического (возможно, и эстетического) имел также сугубо практическое значение, так как был тесно связан с боевым духом и профессионализмом воинов.

Немалое влияние военный этикет оказал на появившиеся позднее придворный и дипломатический этикеты, в которых можно усмотреть особую щепетильность¹. Нормы поведения и установленный регламентом внешний вид играют здесь зачастую главнейшую роль, несоблюдение и нарушение их делает невозможным проведение какого-либо мероприятия или присутствие на нем кого-либо. Это в лучшем случае. В худшем это часто при дворах приводило к казни (одного человека или группы лиц) и даже к развязыванию войн между государствами вследствие недоразумений на дипломатических встречах и приемах. Данное обстоятельство накладывало особую ответственность на лиц, участвовавших в таких церемониях и мероприятиях, где их ум и такт зачастую решали судьбы целых государств.

Прародиной этикета принято считать Францию, при дворах королей которой, а точнее при Людовике XIV, и зародилось это слово. Однако задолго до этого в Китае были выработаны свои нормы, правила, ритуалы *ли*, которые обычно связывают с именем Конфуция. Китайский придворный этикет, во многом возведенный в абсолют, был по сути и по форме гораздо более сложным и содержательным, чем в Европе. В обиход даже вошло давно ставшее нарицательным словосочетание «китайские церемонии». Китайский придворный этикет нашел свое отражение также в странах конфуцианской культуры, среди которых особо можно отметить Японию.

Эта страна известна своими духовными традициями, самобытной культурой, в которой своеобразно преломилась, отразилась и нашла развитие гораздо более древняя китайская культура. Япония известна особым воинским сословием – самураями, получившими всемирную известность не только благодаря превосходным боевым качествам, но и во многом благодаря этикету, богатому и многогранному.

Само присутствие в феодальной Японии сильного военного начала, несомненно, привнесло черты, характерные для военного со-

¹ Например, лица, приглашенные на прием к английской королеве, проходят перед этим своеобразные специальные курсы, где их обучают тому, что им следует в строго определенный момент делать и говорить.

словия, во многие важные составные элементы японской мысли и общественной жизни, далеко выходящие за изначальный контекст искусства войны. Сотни лет самураи были не только властителями политических судеб нации, но и считались главной гордостью национального самосознания. Воинские мораль и дух оказывали на общество такое же мощное влияние, как и реальная власть воинов (Клири 2000).

Принадлежность к этому сословию передавалась по наследству, причем до конца XVI века между сословиями не было жестких границ и можно было легко переходить из одного сословия в другое, особенно из сословия крестьян в сословие воинов и наоборот. Узнать самурая в те времена можно было по рукояткам двух мечей, торчащих из-за пояса, – там, откуда их легко можно достать правой рукой. Другие категории граждан могли в лучшем случае носить малый меч, однако за особые заслуги иногда и не самураи удостоивались права носить два меча (Данн 1997).

В Японии крестьянин приближался по своему социальному положению к самураю, а его труд в соответствии с конфуцианским учением считался уважаемым. Крестьянство часто ориентировалось на самурайство, стремясь подражать сословию воинов. Гораздо низшими по положению и презируемыми в социальной иерархии считались ремесленники, еще ниже стояли купцы, актеры. Замыкали социальный ряд феодального общества Японии две категории населения – *хинин* (нищие) и *эта* (парики), которые выполняли самые грязные и постыдные, по мнению самураев, работы, связанные с выработкой кожи, уборкой нечистот и т. д. (Спеваковский 1981).

Начало становления самурайского сословия Японии относят к VII–VIII векам. В немалой степени этому послужило такое явление, как бегство крестьян от своих хозяев – обычно от невыносимых условий существования. Беглых крестьян называли *ронин* – «бродяга» или «человек-волна», т. е. человек, бесцельно шатающийся туда-сюда, как волна. Они собирались в разбойничьи шайки и занимались грабежами на больших дорогах, нападали на поместья крупных землевладельцев и т. д. Многие из них единственным выходом из такого нелегального положения видели поступление на службу к феодалу или крупному землевладельцу, которые остро нуждались в таких вооруженных слугах для защиты от разбойничьих шаек и для использования в междоусобных войнах. Саму-

раев, по какой-либо причине утративших своего хозяина, впоследствии также стали называть *ронин*².

Немалая часть беглых крестьян отправлялась на восток, а позднее и на север страны, и устраивала там поселения, отвоевывая земли у айнов, потомков древнейшего населения Японских островов. Такие крестьяне организовывали вооруженные отряды и находились в постоянной боевой готовности. Со временем правительство стало поощрять переселение безземельных крестьян на север, поскольку поселенцы, получившие оружие от властей, вели с айнами более эффективную борьбу, нежели военные экспедиции, предпринимаемые для подавления крупных выступлений айнского населения.

Вооружение поселенцев существенно содействовало зарождению самурайской прослойки в северных районах острова Хонсю. Причем особенно большую роль в формировании традиций самураев здесь играли айнские элементы, так как японские поселенцы долгое время жили в непосредственной близости от айнов и имели с ними двусторонние контакты. Особое место занимает обряд *сэн-луку* (харакири), характерный только для самураев и воспринятый ими, как считается, от айнов. Таким образом, на формирование военной прослойки Японии оказывали влияние как военные, так и мирные контакты с воинственными племенами айнов (Спеваковский 1981). Здесь можно усмотреть некую параллель с российским казачеством, возникшим также в результате бегства крестьян («с Дона выдачи нет!»), в дальнейшем поощряемом правительством для охраны рубежей, и также многое перенявшим у горских народов (некоторые обычаи, форму одежды, вооружение и т. д.).

Заслуживает внимания любовь к оружию у айнов, которое у них, как впоследствии и у самураев, очень почиталось. Об этом говорят бережное отношение айнов к мечам, копьям, лукам и т. д., выставление мечей во время праздников для обозрения, передача оружия по наследству. Возможно, именно у айнов самураи переняли такое трепетное отношение к своему мечу, что выразилось в наделении его сакральным смыслом. Вообще в японской традиции *синто* существовали три священных предмета: волшебное зеркало, яшмовое ожерелье и меч. Зеркало было эмблемой мудрости и сим-

² Название прижилось до настоящего времени – в современной Японии так часто называют студентов, имеющих задолженности по экзаменам.

волом солнечной *Аматэрасу*³, оно часто использовалось в качестве талисмана. Яшмовое ожерелье символизировало совершенство, доброту, милосердие и в то же время твердость при управлении.

Мечи самураев подразделялись на военные и церемониальные. Церемониальные мечи *тати* отличались от военных богатством отделки ножен, рукояти, перевязи и формой *цубы*. *Тати* носили при дворе императора или *сёгуна* (военного правителя), а также во время особо важных церемоний⁴.

Меч, особенно длинный самурайский – *катана*, требовал к себе крайне трепетного отношения. Он олицетворял душу самурая, более того, представлял собой некое божество, наделенное сверхъестественными способностями или качествами. Например, способностью защищать справедливость, карать зло, оберегать своего владельца от безнравственных мыслей, наконец, оберегать его жизнь и достоинство. Без последнего сама жизнь для самурая теряла всякий смысл. Искусство владения мечом превосходило по престижности и по значимости все остальные японские боевые искусства.

Существовал свой собственный этикет меча как неотъемлемая часть *бусидо*, нарушение которого воспринималось не только как оскорбление кого-либо, но и как осквернение святыни (т. е. самого меча – своего или чужого). Этот этикет можно разделить на следующие основные составляющие:

- правила обращения с мечом в процессе фехтования (техники боя);
- правила обращения с мечом как с постоянным спутником в жизни;
- правила поведения в обществе (этикет вооруженного человека);
- правила ухода за мечом (чистка, хранение, транспортировка);
- правила испытаний меча и совершения процедуры *сэнтуку* (этикет меча).

Техника владения мечом (искусство фехтования) строго регламентированна. В *кэндо* (путь меча) действуют строгие правила: как следует держать меч, как наносить удары, а также как к нему под-

³ Аматэрасу (букв. «светящая с неба») – главное божество пантеона *синто*, богиня Солнца. Считается прародительницей императорского рода.

⁴ В Японии выделялись три периода в производстве мечей: *кото* – период старых мечей, до 1573 г., конца властвования *сёгунов* Асикага; *синто* – период новых мечей, который начался с воцарением *сёгунов* Токугава; *синсинто* – период современных мечей, начавшийся с эпохой Мэйдзи.

ходить и брать в руки. На допущенные ошибки строго указывает *сэнсей*, вольности считаются здесь недопустимыми.

Не менее регламентированной является часть общественного поведения повседневной жизни, связанная с небоевым обращением с мечом (ношением, хранением и т. д.). Японское искусство фехтования предусматривает, что главная рабочая рука – правая, даже у левой. Это отразилось на этикете меча и, как выяснилось впоследствии, на некоторых других сферах общественной жизни. Например, заткнутый за пояс с правой стороны или положенный справа от себя меч означал доверие к собеседнику, так как из этого положения было труднее всего привести меч в боевую готовность. Именно поэтому во многих школах *иай-до* и *кэндо* до сих пор сохраняется традиция держать меч для приветствия в таком положении, из которого его очень трудно выхватить. Стоя его полагается держать в правой руке за ножны возле гарды острием вперед и лезвием вверх. Сидя – меч кладут справа рукоятью вперед и лезвием к себе (лицевая сторона *омотэ* направлена вниз). В дом самурая с длинным мечом за поясом мог войти только глава клана (*даймё*) или самурай, стоящий рангом выше хозяина. В других случаях длинный меч необходимо было снять (в знак добрых намерений) и оставить в прихожей или отдать слуге, который относил и с соответствующими почестями клал его на специальную подставку. При длительном визите, протекающем в исключительно дружественной обстановке, короткий меч также снимался и располагался справа от сидящего, рукоятью – к владельцу, а клинком в ножнах – к хозяину дома. Поворот меча рукоятью к противнику означал неуважение его способностей фехтовальщика, поскольку настоящий мастер мог мгновенно этим воспользоваться. Любые движения в сторону меча гостя считались недостойными, а попытка коснуться его или тем более оттолкнуть в сторону воспринималась как вызов. Женщинам из самурайских семей разрешалось носить меч, только когда они находились в дороге одни. Кроме того, меч надевали придворные дамы в случае пожара во дворце. Мечи всегда занимали самое видное место в доме самурая – в специальной нише *токонома* в главном углу комнаты на подставке для мечей.

В Японии существовала особая церемония «любования мечом». Для хозяина меча считалось большой честью, если гости выражали восхищение его мечами. Процедура осмотра мечей была тщательно регламентирована, были расписаны жесты и реплики всех участников подобной церемонии. Передавать меч кому-либо как для пока-

за, так и на хранение можно было только рукоятью к себе. При демонстрации оружия полагалось вытаскивать из ножен только часть клинка, находящуюся рядом с гардой, и обязательно постепенно. Клинком любовались, наклоня его под разными углами к свету. Полностью обнаженный клинок (*сираса*) мог быть воспринят как враждебность. Если же владелец меча все же хотел показать весь клинок, то он с почтением передавал оружие гостю, с тем чтобы тот сам с многократными извинениями и комплиментами по полагающемуся этикету вынул клинок из ножен. Касаться обнаженного клинка рукой считалось святотатством – только шелковым платком или листом рисовой бумаги! Обнажение любого оружия на улице, удар ножнами о ножны (*сая-атэ*) или бряцание оружием было равнозначно вызову, за которым мог последовать удар без предупреждения. Поэтому даже копьа *яри* и *нагината* полагалось переносить в ножнах или чехлах. Полагают, что и левостороннее движение в Японии обязано своим происхождением именно этикету меча и привычкам самураев. Ведь только в случае левостороннего направления движения два самурая, столкнувшись на улице, имеют шанс не задеть мечами друг друга. Кроме того, меч легче выхватить и быстро нанести удар вправо, чем влево, а при таком направлении движения левая сторона более защищена. Особо строгими были требования этикета при императорском дворе и дворе *сёгуна*. Для каждого обряда, торжества или приема предусматривались разные варианты оправы ножен и рукояти, цвет, орнамент, количество и места расположения *мон* (гербовых значков) и т. д. (Носов 2001).

Сам процесс изготовления меча был наделен сакральным смыслом. Прежде всего необходимо было «умилостивить божеств», поэтому кузнец, желавший достичь успеха на своем поприще, должен был воздерживаться от крайностей и вести более или менее религиозный образ жизни. Ковка меча была именно религиозной церемонией. Для ее исполнения кузнец надевал особую синтоистскую одежду, маленькую лакированную шапочку, а через кузницу протягивал соломенную веревку (*симэнава*), к которой прикреплялись бумажные полоски (*гохэй*), призванные отгонять злых духов и призывать духов добрых (Самурайский... б. г.).

Дурным тоном считалось хвастаться своим мечом. Вот как, например, писал Араи Хакусэки (1657–1725), мыслитель и государственный деятель Японии, о необходимости постоянно следить не только за движениями и поступками, но даже за речью: «Никогда не говори никому в лицо, что у тебя острый меч. Когда я был мо-

лод, кто-то услышал, как один человек похвалялся своим мечом, заявляя, что он рубит великолепно, и сказал: “О Небо, вы ведете себя так грубо, как будто рядом с вами никого нет. Неужели вы думаете, что кто-то будет носить меч, который рубит плохо? А ну-ка, убедитесь сами, рубит мой меч или нет!” С этими словами он вытащил свой меч. Только потому, что его удержали, ничего не произошло» (цит. по: Хорев 2003: 123).

Эпоха правления сёгунов Токугава (XVII–XIX века) была временем наивысшего расцвета самураев, когда окончательно сложились их идеология, культура и обычаи. Однако это же время ознаменовало собой завершающий этап развития японского феодализма, этап его разложения и низвержения, которые повлекли за собой упадок самурайства и его ликвидацию как сословия, порожденного феодальным строем и не способного существовать без этого строя. Правительство, освобождая самураев от уплаты налогов, не разрешало им заниматься торговлей, ремеслом и ростовщичеством, считавшимися постыдными занятиями для благородного человека (ранее эти занятия для самураев хотя и не приветствовались, но и законодательно не запрещались).

Наставления для самураев при Токугава свелись в определенные кодексы. Один из них – «Свод законов военных домов» – определял правила поведения военного сословия в быту и на службе. В нем говорилось о серьезном отношении самурая к поддержанию порядка в феодальном владении и отношениях между сюзереном и вассалом, об одежде и экипажах, свойственных для каждой категории сословия, о женитьбе и т. д.

Однако нередко самурай, превращавшиеся в *ронинов*, шли в города и начинали заниматься делами, не дозволенными представителям их сословия: ремеслом, мелкой торговлей, становились учителями, художниками и т. п. Многие *ронины*, неспособные к работе ввиду полной неподготовленности к какой-либо иной деятельности или сословных предрассудков, влачили жалкое существование и ничем не отличались от низших сословий. Нередко такие люди принимали участие в крестьянских восстаниях, иногда возглавляя их, присоединялись к выступлениям горожан. Обычным явлением в конце эпохи японского феодализма стало такое кощунственное нарушение законов и традиций, как продажа воинских доспехов, оружия и самой принадлежности к сословию самураев путем «усыновления» богатых горожан или женитьбы на купеческих дочерях (Спеваковский 1981: 24).

Неписанный кодекс поведения самурая отражен в *бусидо* («путь воина»), представляющем собой свод правил и норм «истинного» воина. *Буси* – воин, самурай, а *до* – путь, учение, способ, средство. Кроме того, в соответствии с классической философской традицией Китая, понятие *путь* наделяется морально-этическим содержанием и означает также долг, мораль. *Бусидо* не могло не воплотить в том или ином виде такие учения, как даосизм, конфуцианство, дзен-буддизм, синтоизм (национальная религия японцев). Самураи считали его методом совершенствования психической и телесной гигиены.

Иероглиф *бу* (кит. *у*) состоит из двух элементов: «останавливать» и «копье». Иероглиф *си* (кит. *ши*) первоначально обозначал человека, исполняющего какие-нибудь обязанности, обладающего знаниями и умениями в какой-либо области. Однако уже в Древнем Китае под этим словом стали подразумевать высший класс общества, в основном ученых-книжников. Их приоритетным занятием было военное дело, что естественно, особенно в эпоху *Чуньцю* («Весны и осени», VIII–V века до н. э.) и *Чжаньго* («Сражающихся царств», V–III века до н. э.). Элита того общества должна была избегать двух крайностей: исключительно военного или гражданского дела. Это нашло отражение в двух самых авторитетных китайских военных трактатах: *Сунь-цзы* и *У-цзы*. Ученость и боевое искусство, гражданское и военное начала, согласно древним представлениям китайцев, подобны двум колесам повозки: если одно из них отсутствует, повозка опрокинется.

Вот как о равновесии гражданского и военного начал в государстве говорит *У-цзы* (IV век до н. э.): «В древности Чэн Сан развивал у себя гражданское начало и забросил военное дело; этим он погубил свое государство. Ю Ху полагался во всем на многочисленное войско и ценил одну храбрость; этим он утратил свои родные храмы. Мудрый правитель, учась на этом, непременно у себя в стране развивает гражданские начала, а против внешних врагов держит наготове свою воинскую силу» (*Сунь-цзы*... 2008: 138).

Семантический смысл иероглифов для Китая и Японии имеет большое значение. Останавливать копье – значит подчинять оружие. *Буси* уже по определению умиротворяет и приводит к гармонии. «Гражданское искусство» всегда стояло рядом с «военным». Несмотря на их явное различие, оба качества считались и китайцами, и японцами необходимыми составляющими нравственно совершенного человека. Тем не менее вся история Японии демонст-

рирует явный приоритет военного начала над гражданским. Это выражалось хотя бы в том, что начиная с конца XII века японская правящая элита была также элитой военной, что не могло не найти отражения в государственном и социальном устройстве Японии того времени.

Необходимыми духовными составляющими самурая считались также умение слагать стихи – традиция, уходящая в глубь веков к воинам японского героического эпоса «Хэйкэ-моногатари» (XIII век), которые, даже умирая в сражении, оставляли прощальное стихотворение, – и искусство чайной церемонии, отличающееся суровой простотой и достоинством. По мнению американского востоковеда Т. Клири (2000), вся японская цивилизация настолько тесно связана с *бусидо*, что некоторые ее черты, да и вся ментальность до сих пор остаются глубоко сокрытыми в потайных пластах человеческой души и коллективного бессознательного всей нации. Чтобы по-настоящему понять Японию и японцев, необходимо постичь культуру стратегии, выкованную японским искусством войны.

Принципы *бусидо* не были объединены в специальный свод правил и не были изложены ни в одном литературном памятнике феодальных времен, однако нашли свое отражение в легендах и повестях прошлого, рассказывающих о верности вассала своему феодалу, о презрении к смерти, мужестве и стойкости самураев. *Бусидо* как способ регулирования поведения воина не опиралось непосредственно ни на какие специальные учреждения, принуждавшие к соблюдению моральных норм, оно основывалось на силе убеждения, общественного мнения, примера, воспитания, традиций и силе нравственного авторитета (Спеваковский 1981: 27–28).

Академик Н. И. Конрад (1974) считал, что на японском *бусидо* можно как нельзя лучше изучить типические черты феодального мировоззрения вообще, особенно той его части, которая характерна для правящего феодального сословия – рыцарства.

Кроме своей собственной японской религии – *синто* (путь богов), основными источниками формирования самурайской этики считаются дзэн-буддизм и конфуцианство. Последние со временем настолько тесно переплелись с местными верованиями и мировоззрением, что зачастую не отделяются от собственно японских традиций.

Буддизм в Японии сыграл, среди прочего, большую роль в распространении конфуцианства. Именно дзэнские монастыри, рас-

пространявшие в средневековой Японии китайскую культуру, были источником конфуцианских идей. Там переписывались книги так называемого конфуцианского толка, содержащие и сочинения самого Конфуция (Главева 2001: 196).

Синто учило любви к родине. Поклонение предкам и местным божествам развивалось в культ национальных богов и императора – «посланника Неба». Это имело большое значение для формирования понятия верности самурая феодалу, императору и Японии в целом.

Конфуцианство «подтвердило» синтоистские требования о «верности долгу», послушании и повиновении подданного своему господину и императору, требовало морального совершенствования посредством строжайшего соблюдения законов семьи, общества и государства. Главной обязанностью каждого мужчины конфуцианство, как и *синто*, считало обязательное почитание прародителей и отправление культа предков: оно учило дисциплине, повиновению, уважению старших. Всем этим прежде всего и была обусловлена активная поддержка конфуцианства феодальными правителями Японии, что сделало его основой воспитания в среде господствующего класса, и в частности самураев.

Умение владеть собой и управлять своими чувствами было доведено у самураев до совершенства. Душевное равновесие считалось идеалом *бусидо*, поэтому самурайская этика возвела этот принцип в ранг добродетели и высоко его ценила. Яркой иллюстрацией способности к самоконтролю самураев является обряд *сэппуку*. Ритуальное самоубийство считалось среди самураев высшим подвигом и высшим проявлением личного героизма.

Следует подчеркнуть, что нормы поведения *бусидо* практиковались только в среде своего сословия и в отношениях с вышестоящими по рангу лицами. В отношениях с простолюдином *буси* зачастую не считал себя обязанным их соблюдать и держался надменно и заносчиво. Самообладание, предписывающее воину необходимость в совершенстве владеть собой, также неприемлемо в отношении самурая к простонародью. Воин нисколько не старался себя сдерживать, если имел дело с крестьянином или горожанином (Спеваковский 1981).

Честь самурая строго охранялась законом. Согласно одному из пунктов основного административного уложения дома Тогукава, состоящего из 100 статей, самурая разрешалось зарубить мечом

лицо низшего сословия, например горожанина или крестьянина, оскорбившего его речью или грубым поведением. Крестьянам предписывалось при виде самурая (в том числе из чужого владения) в обязательном порядке снимать головные уборы (соломенные шляпы, платки, повязки из полотенца) и падать на колени. Таким образом, любая встреча с самураем могла закончиться для человека из низшего сословия смертью от рук самурая, посчитавшего себя оскорбленным. Согласно официальному уложению, все нарушения должны были быть наказуемы в соответствии с сословным статусом. Т. е. те нарушения, которые считались для самураев «эксцессами», для простого люда были уже «преступлениями» и могли караться смертью. Однако вместе с тем самурай лишался жизни за такой поступок, за какой крестьянину сохраняли жизнь. Например, при невыполнении приказа или нарушении данного слова воин должен был покончить жизнь самоубийством. Многие элементы законодательства *сёгуната*, выступавшие часто в форме этических принципов, пополняли официальную идеологию и кодекс поведения самураев – *бусидо* (Спеваковский 1981).

Особое место в военной этикете самураев занимает обряд самоубийства путем разрезания живота. Зачастую он являлся единственным средством удовлетворения самураем сложных этических и психологических противоречий, а также других жизненных проблем. Его также применяли как почетный вид казни – он являлся привилегией самураев. Страшным позором для провинившегося в чем-либо самурая и его семьи было, если сюзерен отказывал ему в таком уходе из жизни – например, приговорив к повешению.

Во избежание путаницы следует сказать несколько слов о терминах, встречающихся в данной статье. В Средние века употребление слова «харакири» было характерно для народных масс, в то время как его синоним *сэнтуку* (заимствование из китайского) употреблялся в более высоком стиле речи. Кроме этих двух общепринятых терминов применялись слова *канпуку* и *тофуку*. Впоследствии, вот уже несколько столетий, *сэнтуку* – нейтральное слово, а исконно японское *харакири* устарело. То же относится и к слову *самурай* – оно также стало архаизмом, будучи вытеснено эквивалентом китайского происхождения *буси*. По каким-то причинам в XIX веке именно архаичные уже тогда слова *самурай* и *харакири* попали в английский язык, а затем и во многие другие. В со-

временной Японии эти слова если и известны, то скорее как элементы традиционного западного представления о японцах.

Разрезание живота требовало от воина большого мужества и выдержки, так как брюшная полость – одно из наиболее чувствительных мест тела человека, средоточие многих нервных окончаний. Этот ритуал был официально признан привилегией сословия воинов около 1500 года. В период позднего феодализма – в начале и середине XIX века – многие детали *сэнпуку* были забыты и не выполнялись. У *даймё*, которому вменялось в обязанность провести этот обряд, зачастую не находилось человека на роль *кайсяку*, т. е. секунданта, который избавлял отрубанием головы от слишком долгих мучений. Тогда стало обычным явлением искать такого человека в другом клане, при этом самурай-*кайсяку* временно менял свое имя и номинально становился вассалом пригласившего его князя. Положение меча секунданта определялось в зависимости от ранга осужденного. Если меч направлен вверх – осужденный рангом выше секунданта, при одинаковом социальном положении меч держали параллельно земле, если меч направлен вниз – ранг осужденного ниже ранга *кайсяку*.

Чтение приговора и *сэнпуку* могли совершаться либо в одном месте, либо в разных местах. Например, приговор зачитывался в помещении дворца князя, который отвечал за проведение церемонии, а обряд проводили в саду.

Свод церемоний и правил при совершении *сэнпуку* в общих чертах был оформлен уже при *сёгунате* Асикага (1333–1573 годы), когда он стал приобретать силу закона. Однако сложный ритуал окончательно сформировался лишь в эпоху Эдо, когда *сэнпуку* стало применяться официально как наказание по приговору суда совершивших преступление самураев. Обязательным лицом при этом стал помощник, секундант (*кайсяку*), отрубавший голову. Он был необходим для того, чтобы облегчить мучения совершавшего *сэнпуку*, а также для того, чтобы не «позволить» самураю вследствие ужасной боли умереть «некрасиво», т. е. с выражением боли, страдания, упавшим навзничь, опозорив тем самым свое имя.

В случае совершения *сэнпуку* самураем, стремившимся предупредить наказание со стороны властей или главы клана, по собственному усмотрению или решению родственников, семья *буси* не лишалась его имущества и доходов, а самоубийца добивался тем самым оправдания перед судом потомства и заслуживал почетного

погребения. Выполнение же *сэнпуку* как особого вида наказания, налагаемого за преступления, влекло за собой конфискацию имущества.

Обычно в дом к провинившемуся (перед господином или властями) самураю являлся чиновник, который показывал ему табличку с приговором к *сэнпуку*. После этого должностное лицо, принесшее приговор, и сопровождавшие его слуги могли оставить осужденного дома или отдать под надзор какого-либо *даймё*, который становился за него ответственным, чтобы он не избежал наказания путем бегства.

В соответствии с кодексом *сэнпуку* незадолго до церемонии самоубийства происходило назначение лиц, ответственных за его проведение и присутствующих при самом акте. При этом выбиралось место для исполнения обряда, которое определялось в зависимости от официального, должностного и социального положения приговоренного. При подготовке церемонии *сэнпуку* в помещении стены комнаты завешивались белыми шелковыми тканями (белый цвет считается в Японии траурным). То же делалось и с внешней стороной дома – белые полотнища закрывали цветные щиты с вышитыми на них фамильными гербами. Накануне исполнения обряда, если осужденному было разрешено делать *сэнпуку* в собственном доме, самурай приглашал к себе близких друзей, пил с ними *сакэ*, ел пряности, шутил о непрочности земного счастья, подчеркивая тем самым презрение к смерти. Именно полного самообладания и достоинства перед обрядом самоубийства и во время него ждали от самурая все окружающие.

Секундант (*кайсяку*) выбирался представителями клана или самим осужденным. Обычно в этой роли выступал лучший друг, ученик или родственник приговоренного, в совершенстве владеющий мечом. Самурай, приглашенный на обряд *сэнпуку* в качестве *кайсяку*, должен был выразить готовность быть полезным в этом деле. Ни в коем случае он не должен был изображать печали на лице – это было равносильно отказу. Секундант, выбранный осужденным, обязан был поблагодарить его за оказанное доверие и высокую честь. Он не должен был употреблять в ходе совершения *сэнпуку* собственного меча, а брал его у осужденного, если тот его об этом просил, или у своего *даймё*, так как в случае неудачного удара вина за это ложилась на меч владельца. Кроме секунданта, осужденно-

му, как правило, помогали еще два человека. Первый подавал ему на белом подносе малый самурайский меч – орудие совершения *сэнтуку*. В обязанности второго входило преподнесение свидетелям отрубленной головы для опознания (Спеваковский 1981).

Кайсяку должен был внимательно наблюдать за производящим *сэнтуку* и вовремя нанести окончательный удар умирающему. Непосредственный момент нанесения удара обычно оговаривался с осужденным заранее. Для секунданта особо важно было не упустить нужный момент для отделения головы от туловища, так как очень трудно обезглавить человека, потерявшего способность владеть собой. В этом заключалось искусство *кайсяку*.

При совершении обряда *сэнтуку* внимание также обращалось на «эстетическую» сторону дела. Секунданту, например, рекомендовалось нанести умирающему такой удар, при котором отделившаяся сразу от туловища голова все-таки повисала бы на коже шеи, так как считалось некрасивым, если она покатится по полу. В случае когда *кайсяку* не удавалось отрубить голову одним ударом и осужденный делал попытку встать, прислужники-самураи обязаны были добить его.

Когда голова была отрублена, *кайсяку* отходил от трупа, держа меч острием вниз, вставал на колени и протирал лезвие белой бумагой. Если у него не было других помощников, он сам брал отрубленную голову за пучок волос *магэ* и, держа меч за лезвие, подерживая рукояткой подбородок головы осужденного, показывал профиль свидетелю (слева и справа). В случае если голова была лысая, было положено проткнуть левое ухо *кодзуккой* (вспомогательным ножом, имевшимся при ножнах меча) и таким образом отнести ее для освидетельствования. Чтобы не запачкаться кровью, он должен был иметь при себе золу. После засвидетельствования совершения обряда свидетели поднимались и уходили в особое помещение, где хозяин дома (дворца) предлагал им чай, сладости. В это время самураи низшего ранга закрывали тело, как оно лежало, белыми ширмами и приносили курения. Место, где происходило *сэнтуку*, не подлежало очищению (в редких случаях его освящали молитвой). Брезгливое же отношение к помещению, запачканному кровью осужденного, порицалось.

Для жен и дочерей самураев *сэнтуку* также не являлось чем-то особенным, однако, как правило, женщины в отличие от мужчин разрезали себе не живот, а горло или наносили смертельный удар

кинжалом в сердце. Самоубийство посредством перерезания горла обычно исполнялось женами самураев специальным кинжалом *кайкэн* – свадебным подарком мужа или коротким мечом, вручаемым каждой дочери самурая при совершеннолетию. Были известны случаи применения для этой цели и большого меча. Обычай предписывал хоронить совершивших *сэнпуку* вместе с оружием, которым оно было исполнено. Именно этим часто объясняют наличие в древних женских погребениях мечей и кинжалов.

В соответствии с нормами кодекса *бусидо* для жены самурая считалось позором не суметь покончить с собой при необходимости, поэтому женщин также учили правильному исполнению самоубийства. Они должны были знать, как правильно перерезать артерии на шее, как следует связать себе колени перед этим жестоким обрядом, чтобы тело было найдено затем в целомудренной позе. Важнейшими побуждениями к совершению самоубийства женами самураев были обычно смерть мужа, оскорбление самолюбия или нарушение данного мужем слова.

Согласно так называемому этикету смерти *си-но сахо*, принятому в среде воинского сословия, самурай должен был умирать красиво, достойной смертью *синибана*, приняв ее легко, спокойно, невозмутимо, как бы засыпая, имея благочестивые мысли и с улыбкой на лице. В противоположность этому в поведении умирающего различалась и постыдная недостойная смерть *синихадзи*, при которой нарушалась «эстетика смерти», что считалось недопустимым для самурая. Стоны, нежелание умереть и расстаться с близкими и своим имуществом расценивались как нарушение этикета смерти и осуждались. Важно было не испортить «некрасивой» смертью родословную и честь своего дома.

Таким образом, можно сказать, что гражданские и военные начала в Японии не имели такого разделения и противопоставления, как в Китае. Самурай к мирному времени подходил с военными нормами, к гражданскому началу – с принципами военного начала, которое доминировало в их образе жизни, поведении и мироосмыслении. Его они ставили гораздо выше гражданского, бывшего, в свою очередь, уделом низших, презираемых ими сословий. Соответственно и качества, относящиеся к гражданскому началу, такие как расчетливость, бережливость (как и расточительство), привязанность к чему-то мирскому, являлись для них качествами осуждаемыми.

На войне обычное явление – смерть. Понятно, что она нашла отражение в сочинениях самураев, где смерть (точнее, мысли о смерти) часто рассматривается как главный регулятор поведения, нравственности. Это имеет самое непосредственное отношение к этикету, а также служит для авторов этих сочинений некой путеводной нитью, которая помогает избежать крайностей и опасностей.

Юдзан Дайдодзи (1636–1730) говорит об этом так: «Самурай должен, прежде всего, постоянно помнить... что он должен умереть. Вот его главное дело. Если он всегда помнит об этом, он сможет прожить жизнь в соответствии с верностью и сыновней почтительностью, избежать мириада зол и несчастий, уберечь себя от болезней и бед, и насладиться долгой жизнью... Если он не помнит о смерти, он будет беззаботен и неосторожен, он будет говорить слова, которые оскорбляют других, тем самым давая повод для споров... Тогда он может быть убит, имя его господина – запятнано, а его родители и родственники – осыпаны упреками. Все эти несчастья идут от того, что он не помнит все время о смерти. И верхи, и низы, если они забывают о смерти, склонны к нездоровым излишествам в еде, вине и женщинах, поэтому они умирают преждевременно от болезней печени и селезенки, и даже пока они живы, болезнь делает их существование бесполезным. Но те, у которых всегда перед глазами лик смерти, сильны и здоровы в молодости, а поскольку они берегут здоровье, умеренны в еде и вине и избегают женщин, будучи воздержанными и скромными во всем, болезни не иссушают их, а жизнь их долга и прекрасна» (Юдзан Дайдодзи 2000: 14–15).

Ямамото Цунэтомо (1659–1719), другой автор-самурай, с ним солидарен: «Если каждое утро и каждый вечер ты будешь готовить себя к смерти и сможешь жить так, словно твое тело уже умерло, ты станешь подлинным самураем. Тогда вся твоя жизнь будет безупречной, и ты преуспеешь на своем поприще» (Ямамото Цунэтомо 2000: 75). Смерть, согласно ему, служит также мотивацией заботы о внешнем виде: «Хотя может показаться, что тщательный уход за собой выдает в человеке позерство и щегольство, это не так. Даже если ты знаешь, что тебя могут сразить в этот самый день, ты должен достойно встретить свою смерть, а для этого нужно позаботиться о своем внешнем виде. Ведь враги будут презирать

тебя, если ты будешь выглядеть неаккуратно» (Ямамото Цунэтомо 2000: 91). Ямамото Цунэтомо считает, что со смертью не сочетается расчетливость: «Расчетливые люди достойны презрения. Это объясняется тем, что расчеты всегда основываются на рассуждениях об удачах и неудачах, а эти рассуждения не имеют конца. Смерть считается неудачей, а жизнь – удачей. Такой человек не готовит себя к смерти и поэтому достоин презрения. Более того, ученые и подобные им люди за умствованиями и разговорами скрывают свое малодушие и алчность» (Там же: 102).

Таким образом, продолжая эту мысль и перефразируя известное высказывание Конфуция из «Лунь юя»: «Благородный муж думает о долге – маленький человек заботится о выгоде», можно сказать: «Самурай думает о смерти – маленький человек думает о жизни». Согласно этому автору, смерть помогает нам познать человека: «Если человек вел себя перед смертью достойно, это воистину смелый человек. Мы знаем много примеров таких людей. Тот же, кто похвастается своим удалством, а перед смертью приходит в замешательство, не может быть назван воистину смелым» (Там же: 214).

Вместе с тем Ямамото Цунэтомо призывает соблюдать середину в следовании Пути Воина и избегать крайностей: «Есть две разновидности характера, внешняя и внутренняя, и тот, у кого не хватает одной из них, ни к чему не пригоден. Это подобно лезвию меча, который хорошо наточен и вложен в ножны. Меч время от времени вынимают, осматривают, хмуря брови, как перед атакой, протирают лезвие, а затем кладут обратно в ножны. Если человек постоянно держит меч обнаженным, он показывает всем его сверкающее лезвие. В этом случае люди не подойдут к нему, и у него не будет союзников. Вместе с тем, если меч постоянно находится в ножнах, он заржавеет, лезвие затупится, и люди перестанут уважать его обладателя» (Там же: 139).

Особое отношение к смерти сформировал дзэн-буддизм, который учил не цепляться за жизнь и не бояться смерти, потому что бытие в существующем мире признавалось лишь видимостью. Считается, что именно презрение к смерти, своеобразное «искусство умирать» и притягивало к дзэн самураев. Это имеет и сугубо прикладное значение в боевых искусствах. Считается, что человек, мысленно умерший до схватки, непобедим. Он тем самым достигает состояния дао. Смерть здесь парадоксальным образом является

главным элементом искусства сохранения жизни в смертельном поединке, своеобразным критерием боевого мастерства.

Юкио Мисима (1925–1970) пишет о смерти так: «Японцы – это люди, которые в основе своей повседневной жизни всегда осознают смерть. Японский идеал смерти ясен и прост, и в этом смысле он отличается от отвратительной, ужасной смерти, какой она видится людям Запада... Запад дал много философии жизни. Однако в конечном итоге мы не можем довольствоваться одной лишь философией жизни» (Юкио Мисима 2000: 303). «Смерть человека теперь чаще всего ассоциируется с умиранием старика на больничной койке и поэтому никто не видит достоинства смерти... Мы просто не любим говорить о смерти. Мы не умеем извлекать из смерти благодатную суть и заставлять ее работать на нас. Мы всегда устремляем взгляд к яркому ориентиру, который указывает в будущее, в сторону жизни. И мы делаем все, что в наших силах, чтобы не замечать могущества смерти, которая постепенно съедает наши жизни. Это воззрение указывает на то, что наш рациональный гуманизм постоянно занимает наше внимание перспективой свободы и прогресса и тем самым вытесняет смерть из сознания в подсознание. При этом инстинкт смерти становится взрывоопасным. Он концентрируется и направляется вовнутрь. Мы забываем, что присутствие смерти на уровне сознания является важным условием душевного здоровья. Однако, по существу, смерть не меняется, и поэтому сегодня она направляет наши жизни так же, как это было в эпоху написания “Хагакурэ”. С этой точки зрения, нет ничего особенного в смерти... Ежедневное созерцание смерти помогает... жить. Ведь, если мы каждый день проживаем с мыслью о том, что это, возможно, последний день нашей жизни, мы замечаем, что наши действия наполняются радостью и смыслом» (Там же: 244–245).

Юкио Мисима поднимает также проблемы коллективного бессознательного в японском обществе, может быть, характерные и для всего человечества: «Глубоко в подсознании у каждого из нас скрываются иррациональные импульсы. Они являются динамическим выражением противоречий, заполняющих жизнь от мгновения к мгновению. Они проявляют то, что по сути не имеет ничего общего с социальными идеалами будущего. Более того, эти слепые импульсы, кажется, находятся в борьбе друг с другом. Во время войны сполна проявляется инстинкт смерти, тогда как инстинкт

сопротивления и освобождения – то есть инстинкт жизни – оказывается полностью подавленным. В послевоенную эпоху ситуация обратная: доминирует инстинкт жизни, а инстинкт смерти почти не дает о себе знать... Удовлетворяя инстинкт жизни, мы тем самым постоянно подавляем инстинкт смерти, который рано или поздно должен проснуться» (Юкио Мисима 2000: 241–242).

Здесь мы видим некое мрачное предостережение человечеству – подавляемое рано или поздно прорвется наружу. Смерть рассматривается как некая потребность, необходимость, как некая ценность, абсолют. Как нечто очищающее: «Роль воды, которая в синтоистских ритуалах очищает от скверны, в *бусидо* играет смерть» (Там же: 294).

Именно так и было принято понимать смерть в среде самурайского сословия. Почтительное отношение, героизация, возвышение смерти над обыденностью характерны для многих культур. Но, пожалуй, больше нигде в мире не сложилось такой этики, эстетики, философии, культуры смерти, как в Японии.

После 1868 года в Японии было отменено официальное применение самураями *сэнтуку*, оберегающего в соответствии с *бусидо* честь воина. Однако добровольное *сэнтуку* продолжало существовать, и каждый его случай встречался скрытым одобрением определенной части нации. Вокруг лиц, совершивших этот обряд, создавался ореол славы и величия. Отмена строго сословного деления во время так называемой реставрации Мэйдзи и формирование армии на основе всеобщей воинской повинности нанесли страшный удар по самурайству, фактически привели к упразднению его как особого воинского сословия. Несмотря на то, что офицерские посты, как правило, занимали самураи, они отрицательно восприняли новые порядки и зачастую их протесты выливались в антиправительственные вооруженные выступления. Такие выступления жестоко подавлялись и не могли увести Японию от капиталистического пути. Вместе с самураями-офицерами во вновь созданные вооруженные силы был привнесен идейный дух самурайских дружин. Он был основан на морально-этическом кодексе самурайства – *бусидо*, несколько измененном в соответствии с духом времени. Значительное внимание в японской армии уделялось офицерскому составу – непосредственному носителю самурайских традиций. Офицера называли «отцом» солдата, рядовых учили относиться к нему

так же, как к императору. Офицер, по императорскому рескрипту, считался непосредственным исполнителем воли императора в армии и человеком, относящимся к своим подчиненным подобно тому, как император относится к своему народу. Его приказ приравнивался к приказу императора, невыполнение этого приказа расценивалось как неподчинение воле императора. Многие из тех самураев, которые не смогли себя найти в новой реформированной армии, как правило, из-за принадлежности к оппозиционным кланам, шли служить в полицию. Эта служба совсем не считалась у них зазорной. Население, знавшее, что полиция состоит в подавляющем большинстве из самураев, продолжало по традиции относиться к полиции почти так же, как в дореформенной Японии к самураям. Таким образом, в эпоху Мэйдзи японская полиция являлась своего рода сословной организацией (Спеваковский 1981).

Поражение во Второй мировой войне нанесло еще один страшный удар, и не только по остаткам самурайства, но и по всей японской нации. Происходили случаи массового самоубийства среди солдат и офицеров, не желающих сдаваться в плен. Впрочем, от этого удара Япония довольно быстро оправилась. И не только благодаря исключительно американской помощи. Как отмечают О. Ратти и А. Уэстбрук (2005: 32–33), поразительная скорость восстановления потерпевшей поражение во Второй мировой войне и разрушенной Японии во многом объясняется тем, что «воинские добродетели прошлого, которые делали японцев грозными врагами на поле боя, применялись с аналогичным рвением при восстановлении экономики, что сделало их неутомимыми и опасными конкурентами на мировых рынках».

В дальнейшем предпринимались неоднократные попытки возрождения самурайского духа в японской нации. Самая известная и нашумевшая из них произошла 25 ноября 1970 года. Она вошла в историю как «инцидент Мисимы». Писатель Юкио Мисима с четырьмя сообщниками проник в штаб командующего восточным военным округом генерала Масуды Канэтоси. Заговорщики заставили его собрать один из полков базы, после чего Мисима выступил перед солдатами с речью, призывая к отмене конституции 1946 года и восстановлению «национального самурайского духа». Однако слушатели остались равнодушными к пламенной речи потомка самураев, и он вместе со своим другом Моритой Хиссё со-

вершил обряд *сэнпуку* по всем правилам средневековой самурайской этики. Вслед за ними еще семь человек сделали то же самое во имя возрождения великояпонского духа и идеалов самураев. Этот поступок нашел свой отклик в японском обществе, а произведения Мисимы стали выпускаться многомиллионными тиражами (Спеваковский 1981).

В каком-то смысле жертва Мисимы не была напрасной. В Японии все чаще возникают разговоры о необходимости возрождения самурайского духа. Трудно судить, в каком ключе оно произойдет и в какое русло выльется. Хочется думать, что эта тенденция не приведет к неоправданным жертвам, в том числе и среди населения других государств.

Этикет самураев до сих пор живет в японских боевых искусствах, таких как дзю-дзюцу (джиу-джитсу), дзюдо, карате, айкидо, кэндо и др., которые миллионы людей практикуют во всем мире. Они известны не только своей эффективностью, которая обусловила то, что они оказали глубокое влияние на другие национальные виды единоборств, а в ряде случаев полностью их заменили, но также своими ритуалами, сопровождающими тренировки, спарринги и соревнования. В них отображается демонстративно подчеркнутое почтение и уважение к учителю – *сэнсею*, а также товарищам по тренировке и поединку, в том числе к младшим и имеющим более низкий статус.

Люди иных культур, занимающиеся японскими боевыми искусствами, наряду с боевой техникой, философией, мировоззрением японцев воспринимают и соблюдают также этикет самураев. Это накладывает отпечаток не только на их поведение на тренировках и спаррингах, но и на поведение в повседневной жизни.

Приложение

Ниже в качестве примера приведены правила для новичков Московской школы Айкидо *Каннагара Додзё*. В ней автор статьи долгое время тренировался и многим ей обязан.

«Пусть эти правила не покажутся вам слишком строгими или формальными. Они призваны пробудить в нас определенный дух и поддержать безопасность тренировочного процесса. Правила Рэйсики – это многовековая традиция. Они могут отличаться в деталях в различных *Додзё*, в целом следует следовать не букве традиции, но ее духу. Постарайтесь это прочувствовать.

Отвечая на вопрос “как подобает вести себя в *Додзё*” кратко, следует сказать – “как в храме”.

В развернутом виде Правила выглядят так:

1. Входя и покидая тренировочный зал, выполните поклон стоя. Это дань уважения предмету занятий, традиции, Основоположнику. Одновременно вы тем самым приветствуете всех, находящихся в зале, поскольку часто нет возможности поздороваться с каждым лично.

2. Преподаватель в *Додзё* пользуется непререкаемым авторитетом, в частности он может отстранить от занятия любого без объяснения причины.

3. Входите в тренировочный зал в сменной обуви. Перед тем как ступить на татами, вы оставляете сменную обувь рядом с татами, носками от татами (это означает вашу готовность в любой момент покинуть татами). Оставьте ваше Эго вместе с обувью.

4. Не заходите на татами со стороны *камидза* (лицевая сторона).

5. *Кэйко-ги* (одежда для тренировок) должна быть чистой и аккуратной. Следите за собственным внешним видом, в том числе за состоянием ногтей на руках и ногах. Если по каким-либо причинам вы собираетесь тренироваться в другой одежде, спросите разрешение преподавателя. Обязательно снимайте перстни, серьги и другие украшения, могущие поранить вас и вашего партнера. Если вы носите ритуальные знаки, с которыми не хотите расставаться даже на время тренировки, ослабьте шнурок. Помните: береженого Бог бережет.

6. Уважайте свое и чужое оружие. Тренировочное оружие (*боккэн, дзё, танто, ...*) должно быть в надлежащем состоянии. Не используйте предметы с трещинами и т. д., немедленно удаляйте их с татами. Сразу же подбирайте с татами щепки. Не берите чужое оружие без разрешения его хозяина! Не разбрасывайте оружие во время тренировки. Невостребованное оружие вовремя убирайте в надлежащее место. Не перешагивайте через чужое оружие – это оскорбление.

7. Перед занятием надлежит настроиться на тренировку. Тренировка начинается для вас еще в раздевалке. Ступив на татами, вы можете сосредоточиться в уединении или работать в паре с партнером, но избегайте состояния праздности.

8. Занятие начинается определенным ритуалом и заканчивается им. Не пропускайте своего участия в нем.

9. Не входите в зал и не покидайте его во время выполнения ритуала. Если вы опоздали, следует подождать, войдя в зал, пока преподаватель не подаст знака, приглашающего вас присоединиться к уроку. Опоздавшие, входя на татами, выполняют ритуал тихо, не мешая занятиям. Если по какой-либо причине вам надо покинуть занятие до его окончания, уведомите об этом преподавателя (лучше заранее). Уходя с татами, выполните подобающий ритуал. Уход с занятия “по-английски” означает, что вы покидаете *Додзё* навсегда.

10. Если вы получаете травму (пусть этого не случится!), моральная ответственность ложится на преподавателя и всех занимающихся, включая вас. Будьте всегда собранными, не отвлекайтесь. Если вы все же получили травму, не обвиняйте в этом вашего партнера. Постарайтесь перенести боль и немедленно дайте знать о случившемся преподавателю. Если на татами попадает кровь, ее сразу же следует смыть. Причем если травма не слишком тяжела, участие в этом принимает и сам пострадавший.

11. Находясь в *Додзё*, следите за своей лексикой и жестами.

12. Находящимся на татами и не занятым активными действиями рекомендуется принять позу *сэйдза* (принимая позу *сэйдза*, вы почти никогда не ошибетесь).

13. Если больные колени не позволяют вам занять позу *сэйдза*, вы можете сесть по-другому, например, скрестив ноги. Но ни при каких обстоятельствах не вытягивайте пятки в сторону *Камидза* или преподавателя и не разваливайтесь. Поза должна быть подчеркнута корректной, а ваше состояние – внутренне собранным.

14. Не покидайте татами во время занятий без крайней необходимости. Но если вы получили травму или почувствовали серьезное недомогание, немедленно прекратите практику и сразу уведомите преподавателя.

15. Когда преподаватель демонстрирует технику или дает разъяснения, рекомендуется принять позу *сэйдза* и следить за происходящим, не отвлекаясь. Не отвлекайтесь и не позволяйте другим отвлекать вас. После окончания демонстрации группа обменивается поклоном с преподавателем. Затем партнеры приглашают друг друга к работе, кланяются друг другу (в это время часто звучит

формула “*о-нэгаи симасу*”), после чего приступают к отработке техники.

16. Когда звучит команда остановки, обычно сопровождаемая хлопком преподавателя, надлежит немедленно остановиться. После этого партнеры обмениваются поклонами и занимают позицию наблюдения. Никогда не стойте на татами без дела. Или вы непосредственно участвуете в практике, или сидите в *сэйдза* в стороне, ожидая своей очереди. Каждое оружие имеет свой радиус действия. Дистанция безопасности (*маай*) – это радиус действия оружия или броска плюс один шаг. Не лезьте под “горячую” руку!

17. Не отрывайте преподавателя без экстренной необходимости. Если абсолютно необходимо задать вопрос, подойдите к нему на дистанцию *маай* (никогда не подзывайте его к себе!) и привлечите к себе внимание поклоном.

18. Если преподаватель объясняет что-то лично вам, непосредственно не привлекая вас к технике, рекомендуется принять позу *сэйдза*. Когда преподаватель закончит, поклонитесь ему. Если преподаватель дает наставления вашему партнеру или соседу – поступите так же.

19. Уважайте тех, кто опытнее вас. Не вступайте в пререкания с ними, особенно – по поводу техники, даже если вам кажется, что они неправы. В крайнем случае сделайте это корректно, в форме вопроса.

20. В *Додзё* мы учимся. Не навязывайте своих представлений другим.

21. Обуздывайте собственное эго. Не давайте ему распоряжаться ситуацией.

22. Никогда не демонстрируйте собственное превосходство.

23. Отрабатывая новый прием с тем, кому он незнаком, не давите чрезмерно на партнера, но окажите ему поддержку.

24. Лучший партнер – ваш партнер, кто бы он ни был.

25. Если вы не знаете, как поступить, спросите у старшего или последуйте его примеру.

26. Внимательно наблюдайте за происходящим. Порою нужное решение приходит не из писанных правил.

27. Старшие, помните, новички берут с вас пример.

28. Сведите все разговоры на татами к минимуму. Айкидо в первую очередь – это непосредственная практика.

29. Мы настоятельно рекомендуем воздержаться от питья в тренировочном зале во время занятия, во всяком случае, делайте это не на татами.

30. В зале не должно быть мобильных телефонов с включенным звуковым сигналом и других звуковых устройств.

31. Члены *Додзё*, непосредственно не участвующие в тренировке, могут наблюдать за ней, соблюдая следующие правила: ведите себя корректно, не отвлекайте на себя внимания других; разумеется, не курите, не пейте и не жуйте во время занятия, не переговаривайтесь с находящимися на татами. Прекратите разговоры и движение в то время, когда преподаватель проводит объяснение. Во время ритуала при открытии и закрытии занятия сохраняйте тишину и неподвижность. Фото- и видеосъемка допускаются только с разрешения преподавателя.

32. Во время тренировки полезно иметь под рукой небольшое полотенце или свежий носовой платок, которые можно хранить за пазухой или в небольшой закрытой сумочке недалеко от татами. Но ни в коем случае не оставляйте использованный платок или несвежее полотенце в открытом виде.

33. В *Додзё* поддерживайте чистоту и порядок.

Со временем эти правила покажутся вам естественными. Не держите обиды на старших, когда они поправляют вас. Не одергивайте младших без нужды. Эти правила призваны поддерживать безопасность в *Додзё* и творческий дух.

Айкидо – не религия. Занимающиеся сохраняют свое вероисповедание, если имеют его. Вы можете рассматривать поклоны и другие элементы ритуала как дань уважения традиции. Поддерживайте в *Додзё* доброжелательную и творческую атмосферу. Откройте ваши сердца» (Правила... б. г.).

Литература

Главева, Д. Г. 2001. Самосовершенствование и свободная воля в учении и практике дзэн-буддизма (на примере трактата Хакуина «Оратэгэма»). В: Алпатов, В. М. (отв. ред.), *История и культура Японии*. М.: Крафт+, с. 178–203.

Дани, Ч. 1997. *Повседневная жизнь в старой Японии*. М.: Муравей.

Клири, Т. 2000. *Японское искусство войны. Постижение стратегии*. СПб.: Евразия.

Конрад, Н. И. 1974. *Японская литература. От «Кодзики» до Тоту-коми*. М.: Наука.

Носов, К. С. 2001. *Вооружение самураев*. М.: АСТ; СПб.: Полигон.

Правила Каннагара Додзё. [Б. г.] URL: <http://www.kannagara-aikido.ru/rules/>

Ратти, О., Уэстбрук, А. 2005. *Тайны древних цивилизаций. Самураи*. М.: Эксмо.

Религиозные воззрения самураев. 2005. URL: <http://www.history.perm.ru/modules/smartsection/print.php?itemid=10>

Самурайский меч. [Б. г.] URL: <http://shodokan.narod.ru/mech4.htm>

Спеваковский, А. Б. 1981. *Самураи – военное сословие Японии*. М.: Главная редакция вост. лит-ры.

Сунь-цзы. У-цзы. Искусство стратегии. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2008.

Хорев, В. Н. 2003. *Японский меч. Десять веков совершенства*. Ростов н/Д.: Феникс.

Юдзан Дайдодзи. 2000. Будосёсинсю. *Книга Самурая*. СПб.: Евразия, с. 9–72.

Юкио Мисима. 2000. Хагакурэ Нюмон. *Книга Самурая*. СПб.: Евразия, с. 221–310.

Этикет меча. [Б. г.] URL: <http://www.thefts.ru/etik.html>

Ямамото Цунэтомо. 2000. Хагакурэ. *Книга Самурая*. СПб.: Евразия, с. 75–220.